

О Л Ъ Г А Б Е Р Г Г О Л Ъ Ц

Б Л О К А Д А Л Е Н И Н Г Р А Д А

*«Никто не забудет
и ничто не забыто!»*

Москва
2024

О Л Ъ Г А Б Е Р Г Г О Л Ъ Ц

Б Л О К А Д А Л Е Н И Н Г Р А Д А

*«Никто не забудет
и ничто не забыто!»*

Москва
2025

УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Б48

Берггольц, Ольга Федоровна.

Б48 Блокада Ленинграда. «Никто не забыт и ничто не забыто» / Ольга Берггольц. — Москва : Эксмо : Яуза, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-108802-6

«Никто не забыт и ничто не забыто!» — эти легендарные строки Ольги Берггольц высечены на мемориальной стене Пискаревского кладбища, где похоронено полмиллиона жертв Ленинградской блокады. Все 872 блокадных дня Ольга Федоровна находилась в Ленинграде. Ее голос ежедневно звучал в радиоэфире, вселяя надежду в голодных и ослабевших. Знаменитая поэтесса, автор пронзительных стихов и прозы, навсегда вошла в историю Великой Отечественной войны как МУЗА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА. «Сто двадцать пять блокадных грамм, / С огнем и кровью пополам», — писала она о тех страшных днях.

В этот сборник включены книги «Дневные звезды», «Говорит Ленинград», а также все стихотворения и поэмы Ольги Берггольц, посвященные одной из самых трагических страниц в истории войны — блокаде Ленинграда.

ВПЕРВЫЕ В ОДНОМ ТОМЕ ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ О БЛОКАДЕ!

**УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6я44**

ISBN 978-5-04-108802-6

© Берггольц О. Ф., наследники, 2020
© ООО «Издательство «Яуза», 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ЕВРОПА. ВОЙНА 1940 ГОДА

Илье Эренбургу

1

Забыли о свете
вечерних окон,
задули теплый рыжий очаг,
как крысы, уходят
глубоко-глубоко
в недра земли и там молчат.
А над землею
голодный скрежет
железных крыл,
железных зубов
и визг пилы: не смолкая, режет
доски железные для гробов.
Но все слышнее,
как плачут дети,
ширится ночь, растут пустыри,
и только вдали на востоке светит
узенькая полоска зари.
И силуэтом на той полоске
круглая, выгнутая земля,
хата, и тоненькая березка,
и меченосные стены Кремля.

2

Я не видала высоких крыш,
черных от черных дождей.

Но знаю

по смертной тоске своей,
как ты умирал, Париж.

Железный лягг и немая тишь,
и день похож на тюрьму.
Я знаю, как ты сдавался, Париж,
по бессилию моему.

Тоску не избудешь,
не заговоришь,
но все верней и верней
я знаю по ненависти своей,
как ты восстанешь, Париж!

3

Быть может, близко сроки эти:
не рев сирен, не посвист бомб,
а т и ш и н у услышат дети
в бомбоубежище глухом.
И ночью, тихо, вереницей
из-под развалин выходя,
они сперва подставят лица
под струи щедрого дождя.
И, точно в первый день творенья,
горячим будет дождь ночной,
и восклубятся испаренья
над взрытою корой земной.
И будет ветер, ветер, ветер,
как дух, носиться над водой...
...Все перебиты. Только дети
спаслись под выжженной землей.

Они совсем не помнят года,
не знают — кто они и где.
Они, как птицы, ждут восхода
и, греясь, плещутся в воде.
А ночь тиха, тепло и сыро,
поток несет гряды костей...
Вот так настанет детство мира
и царство мудрое детей.

4

Будет страшный миг —
будет тишина.
Шепот, а не крик:
«Кончилась война...»

Темно-красных рек
ропот в тишине.
И ряды калек
в розовой волне...

5

Его найдут
в долине плодородной,
где бурных трав
прекрасно естество,
и удивятся силе благородной
и многослойной ржавчине его.
Его осмострят
с трепетным вниманьем,
поищут след — и не найдут
следа,
потом по смутным песням
и преданьям

определят:
он создан для труда.
И вот отмоют
ржавчины узоры,
бессмертной крови сгустки
на броне,
прицепят плуги,
заведут моторы
и двинут по цветущей целине.
И древний танк,
забыв о нашей ночи,
победным ревом
сотрясая твердь,
поташит плуги,
точно скот рабочий,
по тем полям, где нес
огонь и смерть.

6

Мечи острым и готовим латы
затем, чтоб миру предстала ты
необоримой, разящей,
крылатой,
в сиянье Возмездия и Мечты.
К тебе зывают сестры и жены,
толпа обезумевших матерей,
и дети,
бродя в городах сожженных,
зывают к тебе:
— Скорей, скорей! —
Они обугленные ручонки
тянут к тебе во тьме, в ночи...
Во имя
счастливейшего ребенка

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

латы готовим, острим мечи.

Все шире ползут

 кровавые пятна,

в железном прахе земля,

 в пыли...

Так будь же готова

 на подвиг ратный

освобожденье всяя земли!

1940

* * *

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной — с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена —
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Он настал, наш час,
и что он значит —
только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя — я не могу иначе,
я и Ты — по-прежнему — одно.

Июнь 1941

НАЧАЛО ПОЗМЫ

...Всю ночь не разнимали руки,
всю ночь не спали мы с тобой:
я после долгой, злой разлуки
опять пришла к тебе — домой.

Мы говорили долго, жадно,
мы не стыдились слез отрадных, —
мы так крепились в дни ненастья...
Теперь душа светла, мудра,
и зрелое людское счастье,
как солнце, встретит нас с утра.
Теперь навек — ты веришь, веришь? —
любовь одна и жизнь одна...
...И вдруг стучит соседка в двери,
вошла и говорит:

— Война! —

Война уже с рассвета длится.
Войне уже девятый час.
Уж враг за новою границей.
Уж сотни первых вдов у нас.
Войне идет девятый час.
И в вечность канул день вчерашний.
Ты говоришь:
— Ну как? Не страшно?
— Нет... Ты идешь в военкомат? —
Еще ты муж, но больше — брат...
Ступай, родной...

И ты — солдат,
ты соотечественник мне,
и в этом — все.
Мы на войне.

1941

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

...И да здравствует социалистическая революция во всем мире!

Надпись на памятнике В.И. Ленину около Финляндского вокзала в Ленинграде. Это слова, сказанные Лениным 16 апреля 1917 года.

...И вновь Литейный — зона
фронтная.

Идут войска, идут — в который раз! —
туда, где Ленин, руку простирая,
на грозный подвиг призывает нас.

Они идут, колонна за колонной,
еще в гражданском, тащат узелки...
Невидимые красные знамена
сопровождают красные полки.

Так шли в Семнадцатом —
к тому ж вокзалу,
в предчувствии страданий и побед.
Так вновь идут.

И блещет с пьедестала
неукротимый Ленинский завет.

22 июня 1941

В ГОСПИТАЛЕ

Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей взывал,
он звал, тоскуя: — Мама, где ты, где ты? —
Искал ее, обшаривая тьму...
И юная дружинница склонилась
и крикнула — сквозь бред и смерть — ему:
— Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом,
милый! —

И он в склоненной мать свою узнал.
Он зашептал, одолевая муку:
— Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку. —
И снова наклоняется она,
исполненная правдой и любовью.
— Я здесь, — кричит, — я здесь, твоя жена,
у твоего родного изголовья.
Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитником отчизны.

Мы все пришли, чтобы тебя поднять,
вернуть себе, отечеству и жизни. —
Ты веришь, воин. Отступая, бред
сменяется отрадою покоя.
Ты будешь жить. Чужих и дальних нет,
покуда сердце женское с тобою.

Август 1941

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
не найдешь такого уголка,
где бы не любили, где б не знали
ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
о которой гимном говорят.

В этом имени бессмертен Ленин
и прославлен город на века,
город, воспринявший облик гневный
ленинградского большевика.

Вот опять земля к сынам воззвала,
крикнула: — Вперед, большевики! —
Страдный путь к победе указала
Ленинским движением руки.

И, верны уставу, как присяге,
вышли первыми они на бой,
те же, те же смольнинские стяги
высоко подняв над головой.

Там они, где ближе гибель рыщет,
всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай
ленинградского большевика.